

ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 6

2020

М. В. Шкаровский

«Преображенские дела» 1930–1931 гг.

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_198

Аннотация: Один из важнейших храмов Санкт-Петербурга — Спасо-Преображенский всей гвардии собор — уже более 250 лет связан со многими значительными страницами истории России. Одним из самых трагических в его истории был период конца 1920-х — начала 1930-х гг. В условиях развернутой в то время кампании против духовенства и мирян выделяются два сфабрикованных органами ОГПУ следственных «Преображенских дела», по которым были репрессированы около 30 известных в городе верующих: духовный писатель Е. Н. Погожев (Поселянин), генерал-майор Е. М. Казакевич, Н. А. Елачич и др. Несмотря на все гонения и репрессии община Спасо-Преображенского собора смогла выстоять и в начале 1930-х гг., и в последующие десятилетия советской власти, сохранив храм — памятник подвигам русской гвардии от закрытия и возможного уничтожения. Освещенные в настоящей статье следственные дела до сих пор не были изучены исследователями. Статья подготовлена на основе значительного комплекса ранее не введенных в научный оборот архивных документов.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, Спасо-Преображенский собор, Санкт-Петербург, антирелигиозная политика, репрессии верующих, «Преображенские дела».

Об авторе: **Михаил Витальевич Шкаровский**

Доктор исторических наук, главный архивист Центрального государственного архива Санкт-Петербурга, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Ссылка на статью: Шкаровский М. В. «Преображенские дела» 1930–1931 гг. // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 198–218.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 6

2020

Mikhail V. Shkarovsky

The “Preobrazhenskie Cases” of the Years 1930–1931

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_198

Abstract: One of the most important churches in Saint Petersburg – the Transfiguration Cathedral of the entire guard has been associated with many significant pages of Russian history for more than 250 years. One of the most tragic in its history was the period of the late 1920s–early 1930s, when in the context of the campaign of repression of the clergy and laity at that time, two investigative “Preobrazhenskiye cases” were fabricated by the OGPU authorities, in which about 30 well-known believers in the city were repressed: the theological writer E. N. Pogozhev (Poselyanin), Major-General E. M. Kazakevich, N. A. Yelachich and others. Despite all the persecution and repression, the community of the Transfiguration Cathedral was able to survive in the early 1930s and in the following decades of Soviet power, preserving the church building – a monument to the exploits of the Russian guard – from closure and possible destruction. The investigative cases highlighted in the article have not yet been studied by researchers. The article was prepared on the basis of a significant set of archival documents not previously introduced into scientific circulation.

Keywords: Russian Orthodox Church, Transfiguration Cathedral, Saint Petersburg, anti-religious policy, repression of believers, “Preobrazhenskie cases”.

About the author: **Mikhail Vitalievich Shkarovsky**

Doctor of Historical Sciences, Chief Archivist of the Central State Archive of Saint Petersburg, Professor of the Department of Church History of Saint Petersburg Theological Academy.

E-mail: shkarovs@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1918-5319>

Article link: Shkarovsky M. V. The “Preobrazhenskie Cases” of the Years 1930–1931. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 6, pp. 198–218.

Один из важнейших храмов Санкт-Петербурга — Спасо-Преображенский всей гвардии собор — уже более 250 лет связан со многими значительными страницами истории России. В XVIII — начале XX вв. он был храмом старейшего полка русской гвардии — Преображенского. В советский период собор пережил ряд тяжелых испытаний, но один из немногих в Северной столице никогда не закрывался. Одним из самых трагических в его истории был период конца 1920-х — начала 1930-х гг. В условиях развернутой в то время кампании против духовенства и мирян выделяются два сфабрикованных органами ОГПУ следственных «Преображенских дела», по которым были репрессированы около 30 известных в городе верующих. Между тем эти дела до сих пор не были изучены исследователями.

Массовые гонения на Русскую Православную Церковь начали нарастать с рубежа 1928–1929 гг. Произошло существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Период относительно спокойных контактов с ними сменился длительной полосой крайней воинственного, нетерпимого отношения к Церкви. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И. В. Сталиным на свертывание НЭПа, насильственную коллективизацию, обострение классовых отношений в городе и деревне. В период ликвидации нэпманов и кулачества власти обрушились и на Церковь, усматривая в ней инструмент эксплуататорских классов, охранителя старого строя.

С 1929 г. в Ленинграде началось активное закрытие приходских храмов. В ряде случаев святыни из них поступали в Спасо-Преображенский собор, который только в 1926 г. верующим удалось освободить от поддерживаемых советскими властями раскольников-обновленцев. 13 октября 1929 г. приходской совет (т. н. «двадцатка») подал заявление о передаче в собор 13 икон и Голгофы из закрываемой церкви Тихвинской иконы Божией Матери на Очаковской улице, 7, но на следующий день получил отказ. Другое подобное ходатайство от 24 марта 1931 г. имело успех. Из церкви Успения Божией Матери на ул. Жуковского в собор 4 апреля передали семь икон и Плащаницу. 21 мая 1931 г. «двадцатка» по ходатайству прихожан часовни святого апостола Иоанна Богослова, влившихся в приход собора, просила районного инспектора по делам культов передать ей из закрытой часовни восемь икон, деревянный крест и богослужебные книги (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 38, 116, 119, 12). В январе 1932 г. после закрытия Скорбященской церкви на Шпалерной ул. в Спасо-Преображенский собор поступил старинный чтимый список чудотворного образа Божией Матери «Всех скорбящих Радость» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 40; Спасо-Преображенский всей гвардии собор, 2004, 52–52).

В ходе проведения антирелигиозной кампании постепенно расширялись репрессии против священнослужителей и активных прихожан. Так, в марте 1929 г. был арестован и после четырех месяцев тюремного заключения выслан в административном порядке на три года из Ленинграда прежний член приходского совета и председатель ревизионной комиссии Спасо-Преображенского собора выдающийся церковный историк Константин Яковлевич Здравомыслов (Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 195; Русские писатели-богословы, 1997, 47–49).

Особенно тяжелый удар общине собора был нанесен двумя «Преображенскими делами» 1930–1931 гг. Их сфабриковало ОГПУ в конце 1930 г. в связи с общей кампанией разгрома и уничтожения в СССР дореволюционных офицерских кадров российской армии. Это было одной из составляющих полностью фальсифицированного огромного дела «Весна», охватившего почти всю страну. Особый интерес у карательных органов вызывали бывшие офицеры гвардейских полков, в том числе Преображенского. Все офицеры этого полка ранее были или оставались прихожанами Спасо-Преображенского собора.

Аресты по первому «Преображенскому делу» проходили с 4 ноября 1930 по 10 марта 1931 гг. и охватили, в основном, проживавших в Ленинграде бывших офицеров-преображенцев. Их обвиняли в создании контрреволюционной организации, связях с проживавшим в эмиграции председателем Российского общевойскового

союза (РОВС), последним командиром лейб-гвардии Преображенского полка генералом А. П. Кутеповым, хранением части полковых регалий и нелегальной отправке другой их части великой княгине Марии Феодоровне в Копенгаген. Всего по этому делу прошли 12 человек, но главными обвиняемыми являлись бывший староста Спасо-Преображенского собора генерал-майор Евгений Михайлович Казакевич и прежний настоятель храма протоиерей Михаил Владимирович Тихомиров, к тому времени отказавшийся от своего сана (АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 148–153).

Важные показания, легшие в основу обвинения, дал арестованный 25 декабря 1930 г. по другому делу как «участник контрреволюционной офицерской организации» преподаватель Курсов высшего начальствующего состава в Ленинграде, командовавший до 1918 г. 1-й ротой Преображенского полка, полковник Дмитрий Дмитриевич Зуев. В частности, он говорил, что уцелевшие в ходе революционных потрясений некоторые бывшие чины полка в 1918–1920 гг. постепенно возвращались в Петроград и вновь становились прихожанами своего собора. В обвинительном заключении «Преображенского дела» от 8 апреля 1931 г. говорилось: «Таким образом, группа офицеров, во главе с последним командиром полка Кутеповым пробирается на Дон, а другая во главе с полковником Зуевым Д. Д., с полковым имуществом, реликвиями полка – в Ленинград, с заданием Кутепова возглавить контрреволюционное движение в Ленинграде, сохранить имущество полка и главное знамя полка как залог восстановления полка при реставрации монархии» (АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 148).

Конечно, в этом утверждении сильно сгущены краски, но Д. Д. Зуев действительно приехал весной 1918 г. в Петроград с полковым знаменем, передав на хранение некоторые его части другим офицерам. Участвовал Зуев и в контрреволюционной организации военнотружущих бывшего запасного батальона Преображенского полка в Петрограде. Сам он так показал на допросе в декабре 1930 г. о вступлении в нее в 1918 г.: «Я утром пошел к обедне в Преображенский собор, рассчитывая там увидеть всех наличных преобразенцев. После обедни в ограде меня буквально схватил бывший генерал-майор Преображенского полка Шульгин и сразу взял в оборот...» (АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 149).

В июле 1918 – сентябре 1919 гг. Д. Д. Зуев работал помощником управляющего 1-м Петроградским отделением III секции Единого государственного архивного фонда и принял на работу в Главархив целую группу бывших преобразенцев: генерал-майора М. Е. Козакевича, полковника Иванова, Б. А. Чемерзина, сменившего в сентябре 1919 г. Зуева на посту помощника управляющего 1-м Петроградским отделением, и др. Основную часть полкового знамени лейб-гвардии Преображенского полка, которое было найдено у него при обыске, Дмитрий Дмитриевич спрятал у себя на квартире. 30 мая 1931 г. Особое совещание при Коллегии ОГПУ приговорило его к высшей мере наказания, и Д. Д. Зуев был расстрелян в июне 1931 г.

Особое внимание следователей привлек генерал-майор Евгений Михайлович Казакевич. Он родился 29 апреля 1869 г. в Санкт-Петербурге в семье генерала, принадлежал к старинному дворянскому роду, в 1889 г. окончил Пажеский корпус и был выпущен подпоручиком в лейб-гвардии Преображенский полк. 10 августа 1897 г. Е. М. Казакевичу был присвоен чин поручика, а 10 сентября 1901 г. – штабс-капитана, с 18 декабря 1898 по 1 февраля 1904 гг. он служил обер-офицером для поручений при начальнике Главного штаба. В конце 1890-х гг. Евгений Михайлович приобрел усадьбу Оленьково в Веневском уезде Тульской губернии. Он также владел имением Мартемьяново в Каширском уезде, избирался гласным Веневского уездного земского собрания и был старостой местного храма во имя Славного Христова Воскресения, при этом в течение многих лет оставаясь прихожанином Спасо-Преображенского собора.

В период русско-японской войны 1904–1905 гг. Е. М. Казакевич служил адъютантом начальника полевого штаба заместника на Дальнем Востоке (с 1 февраля по 5 декабря 1904 г.) и адъютантом командующего 1-й Маньчжурской армией

(с 5 декабря 1904 по 1 апреля 1905 гг.), в ходе боевых действий оказался контужен. 12 января 1905 г. за боевые отличия ему был присвоен чин капитана. В дальнейшем Е. М. Казакевич командовал ротой и батальоном лейб-гвардии Преображенского полка, с 12 марта 1912 г. в чине полковника.

В рядах своего полка он участвовал в Первой мировой войне и отличился в Галицийской битве. В частности, в 1915 г. полковник был награжден орденом святого Георгия 4-й степени за то, что в бою 20 августа 1914 г., командуя 2-м батальоном преобразенцев, проявил исключительное мужество и выдающуюся храбрость. При этом 20 августа он был ранен в бедро, 4 ноября 1914 г. — в плечо, а 9 июня 1915 г. контужен, но остался в строю. С 29 октября 1914 по 5 февраля 1916 гг. Е. М. Казакевич служил командиром 1-го батальона Преображенского полка. С 4 апреля 1915 г. он был флигель-адъютантом Его императорского величества, а 25 марта 1916 г. ему присвоили чин генерал-майора. После тяжелого ранения, с 10 апреля 1916 г. Е. М. Казакевич, находясь на лечении, состоял в резерве чинов при штабе Петроградского военного округа, а в октябре того же года был переведен на Румынский фронт для командования пехотной дивизией. Генерал был награжден многими орденами, в том числе крестом св. Георгия и орденом св. Станислава 1-й степени (АУФСБ СПб ЛО. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-89251. Л. 146–147; Волков, 2002; Тинченко, 200).

В октябре 1917 г. из-за нового ранения он прибыл с Румынского фронта в Петроград и до 24 декабря 1917 г. находился на излечении в больнице Евгеньевской общины (с 15 декабря 1918 г. получал пенсию). Весной и летом 1918 г. Е. М. Казакевич состоял участником антисоветской организации в Петрограде, занимался сбором средств для спасения императорской семьи. В марте этого года генерал был на короткий срок арестован и лично допрошен председателем Петроградской ЧК М. С. Урицким, но в тот же день освобожден из-за отсутствия доказательств обвинения. В сентябре 1919 г. он снова оказался арестован во время присутствия на заседании приходского совета в Скорбященской церкви, 20 дней находился под стражей в ЧК и в Дерябинской тюрьме, но затем был освобожден без предъявления обвинения. В декабре 1918–1922 гг. Е. М. Казакевич работал старшим архивариусом и заведующим архивом 3-й (военной) секции Петроградского отделения Главархива, написал несколько работ по истории российской армии (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 119–120).

Как уже отмечалось, Евгений Михайлович был многолетним прихожанином Спасо-Преображенского собора. В 1916–1918 гг. он являлся ктитором церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы при лазарете и офицерском собрании лейб-гвардии Преображенского полка, а после ее закрытия около четырех лет — до осени 1922 г. — был товарищем председателя приходского совета и старостой Спасо-Преображенского собора, играя самую активную роль в его церковной жизни (ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4. Л. 40–40 об.).

6 августа 1922 г. после полкового праздника на обеде у него настоятель собора прот. Михаил Тихомиров благословил от имени общины Е. М. Казакевича иконой Спасителя из походной полковой церкви, подарив генералу этот образ в качестве благодарности за его работу старостой. В том же году при отъезде за границу бывшего офицера Преображенского полка В. Нарышкина Е. М. Казакевич передал ему крест от штандарта Гусарского полка для великого князя Николая Николаевича, служившего когда-то гусаром (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 120).

5 сентября 1922 г. Евгений Михайлович был арестован за борьбу с организованным советской властью в мае этого года обновленческим расколом и участие в создании Петроградской автокефалии. Следует пояснить, что обновленчество представляло собой раскольничье реформаторское движение в Русской Православной Церкви, которое возникло при активнейшей поддержке и непосредственном участии советских властей. Оно было очень неоднородным по своему составу. В руководстве движения преобладали священнослужители, недовольные своим положением и рвавшиеся к руководству Церковью, которые понимали, что это возможно лишь с помощью властей, при дискредитации существовавшей церковной иерархии. Но были и видные

обновленцы-проповедники, искренне выражавшие новаторские идеи. Часть духовенства желала проведения отдельных назревших реформ по переустройству церковной жизни, и поэтому пошла в фарватере обновленчества, не зная на первых порах, каких конкретно сторон коснется это реформаторство. Большинство же рядовых участников движения оказалось включено в него самой логикой развития событий. После ареста Патриарха Тихона и вынужденного отказа его 12 мая 1922 г. от руководства Церковью обновленцы более года доминировали в церковной жизни, запятнав себя прямым сотрудничеством с ГПУ. Однако преобладающая часть верующих была настроена к ним враждебно, и это оказалось для обновленцев непреодолимым препятствием.

Православное духовенство и миряне начали бороться с обновленцами по всей стране. Но первой оформилась Петроградская автокефалия, не признававшая власть обновленческого Высшего церковного управления. Она окончательно оформилась в августе 1922 г. Возглавляли ее епископы Алексей (Симанский) и Николай (Ярушевич). Власти предприняли традиционную попытку путем репрессий покончить с набравшим силу движением. Уже в начале сентября 1922 г. была арестована большая группа автокефалистов — священников и мирян (разгромлена Петроградская автокефалия была в феврале-марте 1923 г.). 15 сентября постановлением Петроградского Губотдела ОГПУ Е. М. Казакевича приговорили к трем годам ссылки в Северо-Двинскую губернию и 26 сентября выслали в г. Великий Устюг. 27 декабря 1922 г. приговор был утвержден Комиссией НКВД по административным высылкам (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-89251. Л. 199, 202, 242, 286).

После полутора лет ссылки, в начале 1924 г., Е. М. Казакевича вызвали в Москву, где через два месяца арестовали и посадили в Бутырскую тюрьму. По обвинению в контрреволюционной деятельности генерал был приговорен к трем годам лагерей и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения, но вскоре как инвалид возвращен в Москву и вновь посажен отбывать срок в Бутырской тюрьме (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 120–121).

В своих мемуарах сидевший вместе с Казакевичем в 1926 г. в одной камере князь Кирилл Николаевич Голицын вспоминал: «Евгений Михайлович обладал добрейшей душой, искренней доброжелательностью к людям и был прост в обращении с ними... Материально он был прежде человеком обеспеченным: богатый помещик, владелец огромного доходного дома в Петербурге на Сергиевской улице. Казакевич придерживался твердых взглядов на долг солдата, служил верой и правдой и ни от какого ратного труда не уклонялся. Он воевал и в 1904–1905, и в 1914–1917 годах. Его могучее тело было изрешечено и японскими, и немецкими пулями: на рукаве его старой солдатского сукна шинели почти до самого локтя были нашиты золотые и серебряные галуны — за ранения и контузии. Убежденный Евгений Михайлович придерживался консервативных, и старому строю был предан всей душой. Перед памятью последнего российского самодержца он благоговел и, говоря о нем, называл не иначе, как „государь“. Словом, это был законченный тип верного слуги престола, принимавшего монархический строй без критики и „за Веру, Царя и Отечество“ не колеблясь подставлявшего себя под вражеские пули... это был человек, безусловно, порядочный, абсолютно честный и верный долгу, чего он никогда и не скрывал. Откровенность и прямолинейность суждений сыграли, по-видимому, решающую роль в трагической судьбе Казакевича. Из Бутырок его освободили еще при мне, но вскоре, как я узнал, снова арестовали и расстреляли» [Голицын, 1997, 211–213].

Сестра Е. М. Казакевича Марфа Михайловна вышла замуж за известного военного теоретика и советского военачальника А. М. Зайончковского. С этим родством был связан случай освобождения Евгения Михайловича на время похорон последнего, произошедший в период заключения генерала в Бутырской тюрьме в 1926 г. и упомянутый в мемуарах К. Н. Голицына [Голицын, 1997, 212–213].

Выйдя в январе 1927 г. на свободу, Е. М. Казакевич вернулся в Ленинград, работал сначала, как инвалид войны, делопроизводителем инвалидной артели «Интерпром», а затем сторожем «Стройтреста» и вновь являлся прихожанином

Спасо-Преображенского собора. По «Преображенскому делу» генерал был первый раз допрошен 34 ноября 1930 г., но какую-либо причастность к контрреволюционной организации и связь с Кутеповым категорически отрицал. 8 января 1931 г. Евгений Михайлович оказался арестован вместе с женой Юлией Петровной Казакевич у себя на квартире по адресу: ул. Чайковского, д. 36, кв. 6, где также проживала их дочь Мария. Их заключили в тюрьму на Нижегородской улице, д. 39 (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 81; Т. 2. Л. 1, 3).

На втором допросе 15 января Е. М. Казакевич, после прочтения ему показаний родственников, был вынужден признать, что приехавшие нелегально из-за границы эмиссары РОВС дважды пытались выйти на связь с ним — в 1924 и 1929 гг., но ввиду отсутствия дома самого генерала контактировали только с женой и сыном. В частности, он показал: «Присылку агентов ко мне из-за границы я могу объяснить лишь тем, что меня в полку знали как убежденного монархиста, и понятно, что эти политические взгляды, коих я придерживался всю сознательную часть моей жизни, не могли легко измениться в иную сторону, а это давало им — зарубежникам, уверенность, что я окажу должное содействие агентам монархических зарубежных организаций» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 120).

Бывшие однополчане утверждали, что у Казакевича хранится скоба и навершие знамени лейб-гвардии Преображенского полка — двуглавый орел. Однако сам он на допросе отказался его выдать, заявив, что навершие у него отсутствует. На дополнительном допросе 25 января Е. М. Казакевич показал: «О знамени Преображенского полка я знаю следующее: при расформировании полка Зуев Дм. Дм. привез знамя полка в Ленинград. Примерно в первой половине 1918 года Зуев, при нашей встрече с ним, передал мне скобу от знамени и заявил, что остатки знамени он зарыл у себя в сарае. Что от знамени получил Кутепов — я не знаю, но, вероятно, кое-что получил, так как при расформировании полка, по словам Зуева, офицеры отрезали кусочки знамени и уносили с собою, как память о полку. Куда делось древко от знамени — я не знаю. Что же касается скобы, переданной мне Зуевым, то такую, примерно в 1922 году, выбросил в Фонтанку. Вызвано это было серией обысков, и я из-за нее не хотел наживать неприятностей. О том, что я выбросил скобу, — я никому совершенно не говорил. Поправляюсь, скобу в Фонтанку не выбрасывал и уже по возвращении из ссылки я спросил о скобе жену. Она мне ответила, что выбросила. Куда она выбросила — я не знаю, да и не спрашивал» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 113–114).

В дальнейшем, когда выяснилось, что и жена скобу не выбрасывала, генерал заявил, что ее, возможно, увезла племянница. Несмотря на сильнейшее давление следствия, он фактически отказался выдать навершие и скобу полкового знамени. На допросе 5 февраля Е. М. Казакевич показал, что 6 августа 1922 г. после полкового праздника настоятель прот. Михаил Тихомиров благословил его от имени общины собора иконой Спасителя, подарив ему этот образ. На последнем допросе 8 февраля генерал признался, что в 1922 г. при отъезде за границу бывшего офицера Преображенского полка В. Нарышкина передал ему крест от штандарта Гусарского полка для великого князя Николая Николаевича (служившего когда-то гусаром), но участие в контрреволюционной организации по-прежнему отрицал (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 121–124).

Другим основным обвиняемым был имевший трагическую судьбу прот. Михаил Владимирович Тихомиров. Он родился 30 августа 1869 г. в Пскове в семье диакона, в 1890 г. окончил Рижскую духовную семинарию, с 1892 г. слушал лекции на юридическом факультете Юрьевского университета. С 8 апреля 1891 г. Михаил Тихомиров служил псаломщиком Успенской церкви г. Юрьева (ныне Тарту), а с 1893 г. — псаломщиком Спасо-Преображенского собора в столице. С 6 сентября 1893 г. он также был законоучителем школы солдатских детей Преображенского полка. 27 июня 1897 г. М. В. Тихомиров в качестве вольнослушателя на правах студента окончил Санкт-Петербургскую духовную академию со степенью кандидата богословия. 1 августа

1900 г. был рукоположен в сан иерея и начал служить в составе причта Спасо-Преображенского собора с откомандированием во Введенскую церковь лазарета лейб-гвардии Преображенского полка. В 1900–1914 гг. он также преподавал в учебной команде полка и с 1902 г. работал законоучителем Марининской женской гимназии (РГИА. Ф. 806. Оп. 14. Д. 1; Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 413).

С 15 января 1904 г. отец Михаил служил третьим священником Спасо-Преображенского собора. С 1908 г. он также был председателем правления Похоронной кассы по ведомству протопресвитера военного и морского духовенства, с 28 апреля 1909 по 16 марта 1912 гг. — помощником I благочинного гвардейского духовенства, и в 1908–1912 гг. преподавал Закон Божий в школе подпрапорщиков. За свою службу пастырь был награжден набедренником (29 декабря 1901 г.), скуфьей (29 апреля 1904 г.), камилавкой (6 мая 1907 г.), медалью в память 200-летия Полтавской победы (27 июня 1909 г.), орденом святой Анны 3-й степени (6 мая 1912 г.), золотым наперсным крестом с украшениями из Кабинета его императорского величества (18 июня 1912 г.), медалью в память 100-летия войны 1812 г. (1912 г.), медалью в память 300-летия Дома Романовых и наградным знаком креста на владимирской ленте (21 февраля 1913 г.), медалью в память 200-летия Гангутского сражения на андреевской ленте (23 октября 1915 г.), орденом святой Анны 2-й степени (1916 г.), орденом святого князя Владимира 4-й степени с мечами (1916 г.) и золотым наперсным крестом из Кабинета его императорского величества на георгиевской ленте (1916 г.) (Памятная книга, 1913, 12; РГИА. Ф. 806. Оп. 14. Д. 1).

Пребывая в должности священника лейб-гвардии Преображенского полка три с половиной года, отец Михаил прошел с ним через многие сражения Первой мировой войны. За «отлично-усердную службу на поле брани» пастырь 1 ноября 1915 г. был возведен в сан протоиерея (Церковный вестник. 1915. № 45). 23 ноября 1916 г. приказом № 68 протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского он был назначен настоятелем Спасо-Преображенского собора с оставлением в действующей армии. Будучи контуженным на фронте, отец Михаил оставил Преображенский полк только при его расформировании. Возвратившись с остатками полка 1 февраля 1918 г. в Петроград, пастырь вновь стал служить в Спасо-Преображенском соборе, в 1916–1918 гг. он официально числился председателем Общества вспоможения бедных прихожан храма.

Период настоятельства отца Михаила в 1921–1922 гг. характеризовался «собираанием вокруг собора» уцелевших в Гражданской войне бывших офицеров и солдат лейб-гвардии Преображенского полка. В обвинительном заключении «Преображенского дела» 1931 г. отмечалось: «Поп Преображенского собора Тихомиров, церковный идеолог преобразенцев, пользовавшийся огромной популярностью в Преображенском соборе, сумел объединить вокруг себя преобразенцев. Справление традиционных полковых праздников — панихид стало обычным явлением, как предпосылка к группировкам — к вновь организационным действиям преобразенцев» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 150).

В начале 1922 г. Спасо-Преображенский собор в значительной степени пострадал от пожара, во время которого от «проливной» воды был нанесен ущерб почти всему зданию. В условиях разрухи после окончания Гражданской войны денег не хватало, и настоятель подготовил обращения о денежной помощи в ремонте к приходам Петрограда и проживавшим за границей бывшим офицерам Преображенского полка.

Позднее, на допросе 15 января 1931 г., о. Михаил показал: «Не отрицаю того, что действительно был случай, когда приходской совет Преображенского собора имел намерение обратиться к „преобразенцам“, эмигрировавшим за границу, с тем, чтобы они помогли, чем могут, своей бывшей святыне, ныне гибнущей, то есть Преображенскому собору, особенно после пожара, когда выгорели все чердаки и протекла крыша... Этот факт я подтверждаю, но считаю нужным добавить, что аналогичное обращение предполагалось выпустить по городу Ленинграду» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 99 об. –100).

Отец Михаил находился в близких отношениях со священномучеником митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином, однокурсником которого по Духовной академии когда-то был. 30 мая 1922 г. постановлением Петроградского губревтрибунала против. Михаил был привлечен к следствию «по обвинению в агитации против изъятия церковных ценностей». В качестве меры пресечения оказалась избрана «явка в трибунал». 6 июля 1922 г. отец Михаил был оправдан на судебном процессе по делу «о сопротивлении изъятию церковных ценностей» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-89305).

Во второй половине 1922 — начале 1923 гг. пастырь активно боролся с обновленчеством в составе Петроградской автокефалии. 4 августа 1923 г. он был арестован по обвинению в контрреволюционной агитации с использованием подложного письма, но освобожден 20 сентября по состоянию здоровья после беседы с губернским прокурором Азовским. Через два дня, 22 сентября, отец Михаил был снят с должности настоятеля при передаче Спасо-Преображенского собора представителям обновленческого раскола. Несколько месяцев он совершал службы на квартирах прихожан и в других городских храмах. 3 февраля 1924 г. пастырь оказался вновь арестован по доносу обновленцев, как их ярый противник по делу еп. Мануила (Лемешевского) и «Спасского братства», но 30 апреля был освобожден под подписку о невыезде по состоянию здоровья. Постановлением Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 26 сентября 1924 г. подписка о невыезде была аннулирована (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82582. Т. 1. Л. 144; Т. 2. Л. 127, 148).

В конце 1924 — начале 1926 гг. прот. Михаил, как и раньше, проживал в бывшем доме Спасо-Преображенского собора по улице Рылеева, 3, в одной из комнат квартиры № 4, и был приписан к Тихвинской церкви на Очаковской улице [Дубин, 2008, 42]. В 1926 г. Михаил Владимирович второй раз женился, в связи с чем снял с себя сан, но не отрекся от Бога. В дальнейшем М. В. Тихомиров проживал в качестве безработного на иждивении жены в доме на Малой Монетной улице и растил малолетнего сына (1927 года рождения).

Михаил Тихомиров был арестован по «Преображенскому делу» в числе первых — 4 ноября 1930 г. На первом допросе, 10 ноября, он заявил, что из проживающих за границей «бывших преобразенцев переписки ни с кем не имеет» и лишь общается с живущим в Риге братом свящ. Николаем Тихомировым, который с 1928 г. присылает ему деньги. На следующем допросе, 13 декабря, бывший настоятель показал, что встречал Д. Д. Зуева, который заходил в собор, и знает Е. М. Казакевича, как члена «двадцатки», подчеркнув: «Самым категорическим образом утверждаю, что я не входил ни в какие офицерские организации, а также и не знал об их существовании» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 78, 89–90).

На допросе 15 января 1931 г. М. В. Тихомирову пришлось признать участие в составлении обращения прихожан к эмигрантам, служившим в Преображенском полку, с просьбой о помощи в ремонте храма и свое намерение отправить его за границу (что не было сделано). При этом он заявил, что не помнит, кто высказал мысль о написании обращения и участвовали ли в его составлении Казакевич, Елачич и Апраксина, так как после пережитого сыпного тифа «память стала категорически изменять» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 99 об.–100).

На последнем допросе 6 февраля М. В. Тихомиров показал, что он «знал о том, что знамя Преображенского полка скрыто в Ленинграде, знал также, что знамя разделено между Казакевичем и Зуевым, с их слов. Древо от знамени находилось у свечника собора Ивана Тихонова... что же касается остальных знамен Преображенского полка, находившихся в соборе, то таковые были увезены с музейными ценностями полка». Михаил Владимирович признался, что получил из-за границы письмо от бывшего полковника Преображенского полка Миллера, в котором тот спрашивал о положении собора, но не ответил на него. Других признаний от Тихомирова следователю добиться не удалось (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 106).

4 ноября 1930 г. в Ленинграде также оказались арестованы прежние чины Преображенского полка: бывший его комиссар в 1917 г. поручик Алексей Петрович Лисов, полковой врач Лев Федорович Папе, фельдфебель, затем околоточный надзиратель Никита Михайлович Гладкий, бывшие офицеры — вагоновожатый трамвайного парка Александр Иванович Кротов, электромонтер Дмитрий Гаврилович Черноморцев и ранее работавший секретарем Дальневосточного отдела Министерства иностранных дел и помощником управляющего 1-м Петроградским отделением III секции Единого государственного архивного фонда Борис Александрович Чемерзин. 8 января 1931 г. вместе с Е. М. Казакевичем была арестована его жена — домохозяйка Юлия Петровна Казакевич, 9 января — учительница Мария Михеевна Серова, ездившая за границу в 1925 г. и якобы встречавшаяся там с эмиссаром Кутепова, 18 января — полковник Преображенского полка Владимир Николаевич Ознобишин, в 1924 г. уже высланный на три года по обвинению в руководстве контрреволюционной группой, и, наконец, 10 марта — бывший смотритель лазарета Преображенского полка Василий Павлович Алексеев (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 153–154). Все арестованные были заключены в тюрьму на Нижегородской улице, д. 39.

Схваченные агентами ОГПУ полковник Зуев и бывший штабс-капитан Преображенского полка Муравьев прошли по другому делу, хотя их показания присутствовали в обвинительном заключении. 2 апреля было принято постановление об окончании предварительного следствия, а 8 апреля составлено обвинительное заключение, в котором говорилось, что в Петрограде (Ленинграде) с 1918 г. до времени разгрома в 1930 г. якобы непрерывно существовала контрреволюционная организация из бывших офицеров Преображенского полка, поддерживавшая связи с заграницей (Кутеповым и Миллером). Это было явной фальсификацией, но руководство ОГПУ она не смутила, и обвинительное заключение утвердили (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 147–148).

Е. М. Казакевич обвинялся в том, что он «является членом контрреволюционной группировки», а М. В. Тихомиров — в том, «что знал о сокрытии знамени Преображенского полка Зуевым. Являлся инициатором посылки обращения к преобразенцам-эмигрантам с просьбой о материальной помощи Преображенскому собору. Являлся в период 1919–1923 гг. инициатором организации полковых праздников, группируя вокруг собора оставшихся преобразенцев». Некоторые другие подследственные обвинялись только в том, что участвовали в проводившихся в соборе панихидах и полковых праздниках (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 153–155).

Фактически существование контрреволюционной офицерской организации преобразенцев следствию доказать не удалось. Никто из обвиняемых не сознался в том, что участвовал в ней, и некоторых арестованных освободили еще в ходе следствия: А. И. Кротова и Д. Г. Черноморцева — 19 декабря 1930 г. (в отношении них дело прекратили), Ю. П. Казакевич — 11 марта, а Б. А. Чемерзина — 12 марта.

Однако в отношении основных обвиняемых приговор оказался максимально суровым. 25 апреля Е. М. Казакевич и М. В. Тихомиров были приговорены Выездной сессией Коллегии ОГПУ к высшей мере наказания и расстреляны 28 апреля 1931 г. (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 1. Л. 160; Т. 2. Л. 1–2). В 1981 г. Русская Православная Церковь за границей прославила в ряду других новомучеников и Михаила Тихомирова. Это объясняется тем, что за рубежом в это время не имели доступа к архивно-следственным делам и не знали о его отречении от сана.

А. П. Лисова, Л. Ф. Папе, Н. М. Гладкого, М. М. Серову, В. Н. Ознобишина и В. П. Алексеева приговорили к различным срокам заключения, а Ю. П. Казакевич и Б. А. Чемерзина — к лишению права проживания в шести важнейших городах СССР на три года. Все осужденные были реабилитированы 21 сентября 1989 г. (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-77288. Т. 2. Л. 3–10).

По второму, сфабрикованному в конце 1930 г., «Преображенскому делу» проходили активные прихожане собора, не имевшие отношения к военной службе. В ночь 25 на 26 декабря в Ленинграде были арестованы 11 человек, которых сотрудники

ОГПУ объединили как членов кружка Наталии Михайловны Рынкевич, состоявшей в приходском совете Спасо-Преображенского собора (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 175–180).

В постановлении о принятии дела к производству от 28 декабря 1930 г. говорилось, что Н. М. Рынкевич была «создательницей группировки из бывших людей (бывшие дворяне... служители культа), периодически собиравшихся для сбора пожертвований в пользу политических ссыльных, устройства панихид по расстрелянным белогвардейцам, обмена мнениями о текущем политическом моменте и поставивших себе целью создание контрреволюционного оплота» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 1).

Наталия Михайловна родилась в 1874 г. в Москве в дворянской семье, окончила Высшие женские курсы в Женеве, являлась вдовой бывшего сенатора Уголовного департамента и сестрой полковника Преображенского полка Левшина. В 1914–1919 гг. она была сестрой милосердия в городском лазарете, в 1919–1921 гг. работала в 1-й железнодорожной столовой, а с 1921 г. до ареста давала частные уроки. После захвата в сентябре 1923 г. обновленцами Спасо-Преображенского собора прежний настоятель храма прот. Михаил Тихомиров регулярно совершал на квартире Н. М. Рынкевич (Манежный пер., д. 7/43, кв. 20) богослужения, которые продолжались до 1926 г. На этой квартире собирались и члены своеобразного кружка бывших прихожан собора. То, что следователи ОГПУ называли контрреволюционной организацией, в действительности представляло собой общение единых по вере и убеждениям людей. После возвращения в 1926 г. Спасо-Преображенского собора Московскому Патриархату Н. М. Рынкевич вновь стала членом его «двадцатки», но близкие ей люди продолжали посещать ее квартиру (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 3–5).

На первом допросе 27 декабря Наталия Михайловна сообщила некоторые биографические данные, назвала 19 знакомых ей лиц и показала: «Наша совместная деятельность выражалась в том, что мы, как люди религиозные и не воспринявшие революцию на протяжении всего ее развития, занимались следующим: 1. Когда был закрыт Преображенский собор, перенесли его службы ко мне на квартиру, где регулярно каждый месяц (12 числа) сначала священник Тихомиров, потом Венустов и Измайлов отправляли богослужения. После этих богослужений совершались общие трапезы, во время которых шли обсуждения событий текущей политики дня, в разрезе далеко не сочувствующем советской власти. 2. Когда усилились гонения на представителей бывшей знати и духовенства, устраивали лотерею, сборы среди знакомых на предмет отправки денег, вырученных от этих предприятий, политическим высланным, заключенным в тюрьмы. Такие сборы шли, припоминаю, в пользу некоторых лицейств... а также священников — Венустову, Тихомирову и др. 3. В 1924 г., когда священник Тихомиров предложил отправить за границу бывшим „преображенцам“ письмо с просьбой помочь делу оставшихся в России верующих людей, я предложила свою квартиру для обсуждения текста этого письма... Тихомиров имел в виду привлечь к написанию этого текста Казакевича и меня» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 12).

На втором допросе, в январе, Н. М. Рынкевич более подробно рассказала о помощи политзаключенным, в частности о том, что один раз в месяц устраивалась лотерея, приносящая по 70–80 рублей. Собранные деньги передавались протоиереям Василию Венустову, Николаю Измайлову, Михаилу Тихомирову (после его выхода из тюрьмы в 1924 г. пастырю передали 200 рублей на поездку для лечения в Крым), Е. М. Казакевичу и бывшему члену «двадцатки» дворянину С. Е. Есаулову, брат которого ранее служил офицером Преображенского полка.

Следователя особенно интересовала подготовка письма эмигрантам, и Наталия Михайловна сообщила, когда собор был временно закрыт (при передаче обновленцам) и начались гонения на верующих, она, о. Михаил Тихомиров и Е. М. Казакевич решили обратиться к «преображенцам», чтобы: «1. информировать их о положении, в котором находилась их церковь; 2. ознакомить с положением, в котором находятся их бывшие однополчане — командиры, в расчете на то, что при их (заграницы)

содействии наше обращение возымеет известное действие в смысле давления на общественное мнение буржуазной Европы». Отец Михаил и Е. М. Казакевич написали текст обращения, который зачитали на квартире Н. М. Рынкевич для собравшихся бывших членов «двадцатки» — Елачича, Апраксиной и др. В обращении, одобренном «двадцаткой», говорилось о тяжелом положении верующих в СССР и содержалась просьба помочь в возрождении Спасо-Преображенского собора (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 17).

На этом и последнем допросе, в конце января 1931 г., Наталия Михайловна охарактеризовала некоторых членов своего кружка: жену полковника Преображенского полка Надежду Константиновну Паливину, дочь полковника-«преображенца» Евгению Евгеньевну Арапову, мать офицера-«преображенца» Надежду Владимировну Пешкову-Хвошинскую, жену адмирала Марию Ивановну Карцову и др. Рынкевич также отметила, что она и о. Николай Измайлов знали полковника Д. Д. Зуева, который устроил члена кружка Сергея Евгеньевича Есаулова на работу. Подследственная призналась, что у нее есть родственники за границей, и сообщила, что когда она стояла в соборе у свечного ящика, то устроила сбор для о. Николая Измайлова к дню его именин (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 18–21).

Уже на первом допросе 27 декабря Н. М. Рынкевич назвала среди тех, кто был духовно близок ей и кто посещал ее квартиру знаменитого духовного писателя и публициста Евгения Николаевича Погожева, публиковавшегося под литературным псевдонимом Поселянин. Он родился 21 апреля (3 мая) 1870 г. в Москве в семье талантливого врача-терапевта, заслужившего личное дворянство, который несколько лет преподавал в Московском университете. Юноша получил благочестивое домашнее воспитание. В 1887 г. он окончил с золотой медалью 1-ю Московскую гимназию и в 1888 г. поступил на юридический факультет Московского университета. К студенческим годам относится первая опубликованная им работа «Перед годовщиной 17 октября в Москве» (М., 1889), посвященная крушению царского поезда в Борках, близ Харькова, и чудесному спасению государя Александра III и его семьи [Русская литература XX века, 2001, 106–108].

Летом 1888 г. Евгений Погожев впервые посетил Оптину пустынь и стал духовным сыном старца Амвросия, который после окончания юношей университета благословил его писать «в защиту веры, Церкви и народности» [Варсонофий Плиханков, 1998, 193–194]. Великому старцу Поселянин посвятил отдельный очерк, где с сердечной теплотой писал о своем наставнике и духовном отце: «Какое чудо души переживалось, когда вы станете пред этим человеком, сразу согретый, просветленный шедшими от него лучами благодати» [Поселянин, 1907].

В 1892 г., когда Поселянин завершил обучение в университете, вышли две его книги: «Ясные дни» и «Повесть о том, как чудом Божиим строилась Русская земля». Автор преподнес их императору Александру III, перед чьей памятью позже благоговел. Эти первые литературные опыты поддерживал великий князь Константин Константинович, известный под псевдонимом «К. Р.». Его покровительство продолжалось и после переезда в 1893 г. начинающего автора в Царское Село, а затем в Санкт-Петербург, где тот с 1894 г. стал служить чиновником канцелярии 2-го (крестьянского) департамента Сената. В составе канцелярии Поселянин в 1896 г. участвовал в коронации Николая II, за что был награжден серебряной медалью. В 1899 г. он перешел в Комитет по делам печати, числясь по Министерству юстиции, в 1903–1904 гг. работал помощником правителя дел в канцелярии Российской Императорской Академии наук, в 1903–1912 гг. за свою службу в Министерстве юстиции получил ордена св. Станислава, св. Анны 3-й степени и чин статского советника. В Петербурге Евгений Николаевич поселился на Моховой улице и стал прихожанином Спасо-Преображенского собора.

После переезда в столицу Поселянин стал активно заниматься литературным творчеством и сотрудничать в наиболее известных русских духовных журналах: «Русский паломник», «Странник», «Миссионерское обозрение», «Душеполезное чтение»,

«Свет» и др., а также в газетах «Церковные ведомости», «Новое время», «Московские ведомости». Он много ездил по святым местам России, собирая материалы о забытых праведниках и преданиях. Творчество Поселянина продолжалось более четверти века и оставило заметный след в церковно-просветительской литературе. Большую часть своих трудов писатель посвятил жизнеописаниям святых угодников и подвижников благочестия.

В 1904–1905 гг. Е. Н. Погожев находился на военной службе как прапорщик запаса, но в боевых действиях русско-японской войны не участвовал. 1 августа 1913 г. Евгений Николаевич и его близкие были возведены в потомственное дворянство. В том же году он поступил чиновником особых поручений Главного управления (позже Министерства) землеустройства и земледелия, и вскоре ему было поручено сделать «подробное художественное описание с иллюстрациями бывшего в мае 1913 г. Высочайшего путешествия по местностям, связанным с историей воцарения Михаила Феодоровича Романова», в котором он сопровождал царскую семью. В 1913 г., в Великий пост, писатель впервые поехал в паломничество на Святую Землю и молился у ее святынь.

Личная жизнь Поселянина не была счастливой. В 1904 г. он женился на дочери известного филолога Н. Я. Грот, которая была гораздо старше его. Из-за различия во взглядах и характерах этот брак через полгода распался, церковный суд запретил писателю жениться вторично, и только в 1914 г. Святейший Синод отменил этот запрет. Вторым браком Поселянин был женат на Анне Владимировне Симанской, сестре будущего Патриарха Алексия I, которая после гибели мужа и окончания Великой Отечественной войны постриглась в монашество в киевском Покровском монастыре. В Первую мировую войну Поселянин служил в Военном министерстве в качестве члена Чрезвычайной следственной комиссии, расследовавшей немецкие преступления. С фронта он посылал репортажи о подвигах русских солдат, составившие книгу «Из жизни наших героев-воинов» (Пг., 1916), издавал сборники своих катехизаторских статей и др. [Антонов, 1997, 131–135].

После революции 1917 г. Поселянин опубликовал лишь несколько статей в журнале «Божия Нива»: «Луч горнего света (Отец Иоанн Кронштадтский)» (1918, № 1–2) и «Святая Русь — в изображении русских художников» (1918, № 6–7). В дальнейшем возможности для его публикации как церковного писателя практически исчезли. Популярнейший автор был обречен на полное молчание до конца дней. При этом писатель продолжал заниматься творчеством. В его следственном деле 1924–1925 гг. находится заявление уполномоченному Енисейского отдела ГПУ, где Поселянин писал о своих литературных занятиях до ареста: «Я за последние годы обратился к исследованию биографии Пушкина, а мой ответ под заглавием „Отравленный Пушкин“ заслужил лестный отзыв академика Кони и других известных пушкиноведов» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 2. Л. 34).

До апреля 1918 г. Поселянин работал делопроизводителем Главного артиллерийского управления, с апреля по декабрь 1918 г. — помощником делопроизводителя страхового общества, затем до апреля 1922 г. более трех лет был научным сотрудником Отдела охраны и учета памятников искусства и старины. Потеряв работу, с весны 1922 г. он зарабатывал на жизнь частными уроками, продолжая изучать жизнь и творчество Пушкина в Публичной библиотеке и Пушкинском доме (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 1. Л. 470). В послереволюционный период Е. Н. Погожев являлся членом приходского совета Спасо-Преображенского собора до его захвата обновленцами в июле 1923 г.

12 апреля 1924 г. писатель был арестован по обвинению в «организации монархической группировки» в своей квартире на Моховой улице. Всего по этому делу Ленинградского филиала контрреволюционной организации, которым якобы руководил В. А. Касьянов (Н. Н. Судобинин), задержали 26 человек, в основном так называемых «бывших». На допросе Поселянин свою принадлежность к какой-либо контрреволюционной организации категорически отрицал и сказал, что знает из задержанных лиц лишь бывшую фрейлину А. А. Урусову, Е. А. Шеину и свою троюродную сестру

Е. А. Эллис, уже привлекавшуюся в 1919 г. по делу Национального центра (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 1. Л. 14–15, 410, 417).

В обвинительном заключении Евгения Николаевича, «по убеждениям славянофила», было предложено выслать из Ленинградского округа на два года без права проживания в шести важнейших городах, а Е. А. Эллис — заключить в Суздальский концлагерь на три года. 25 июля 1924 г. постановлением Особого Сопровождающего при Коллегии ОГПУ Поселянин был приговорен по статье 68 к двум годам высылки в Сибирь через Полномочное представительство ОГПУ. Высланный в распоряжение Новониколаевского ГПУ, он с ноября 1924 г. отбывал ссылку в д. Гольтявино, Богучаны Приангарского района и г. Канске Ангарского края. В своем заявлении в ОГПУ от 15 июля 1925 г. Поселянин указывал, что считает себя осужденным «без всякого основания, по роковому недоразумению», и отмечал: «С юности моей по характеру и интересам моим, я был чужд всякой политики, и это отвращение от нее с годами все усиливало» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 1. Л. 467, 470).

В следственном деле имеется «Характеристика на административно-ссыльного Погожева Евгения Николаевича», составленная уполномоченным по ссылке Шестаковым, в которой говорилось: «Следуя в ссылку с этапом, последний все время занимался злостной антисоветской агитацией среди ссыльных как в пути следования, а также в пересыльных домах заключения... Отбывая ссылку в д. Гольтявино, Погожев ведет тесную связь и дружбу с местным попом и населением антисоветского настроения» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 2. Л. 180). В связи с этим уполномоченный предлагал продлить Е. Н. Погожеву ссылку на один год. В результате, хотя срок ссылки закончился в июле 1926 г., из Канска писателя в августе, «как элемент, разлагающий... антисоветской агитацией и умелым подходом к невежественной массе», отправили в д. Усть-Ямское, где он жил еще более двух месяцев. Только в октябре 1926 г. после многочисленных возмущенных писем в различные инстанции Евгений Николаевич был наконец освобожден ((АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-82718. Т. 1. Л. 639; Т. 2. Л. 157).

После ссылки Поселянин уже глубоко больным человеком вернулся в Ленинград и проживал на Моховой улице, д. 8, кв. 20, недалеко от Спасо-Преображенского собора, прихожанином которого по-прежнему являлся. Он оставался на свободе только четыре с небольшим года [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 194].

В конце 1920-х — начале 1930-х гг. писатель был духовным сыном известного пастыря — настоятеля церкви святителя Иоасафа Белгородского в Михайловке (ныне пос. Парголово) священника Бориса Николаевского. Евгений Николаевич часто бывал в гостях у него в Михайловке, был хорошо знаком с семьей священника и, в частности, очень одобрял уроки, которые отец Борис давал своим детям. Последний раз Евгений Николаевич приезжал в Михайловку накануне своего второго ареста.

В ночь с 25 на 26 декабря 1930 г. Поселянин был арестован и в первый раз допрошен 29 декабря. Он сказал, что знает Н. М. Рынкевич с детства, отметив: «...знаю ее как человека религиозного до горячности», и также назвал еще восемь членов кружка, в том числе уже умершего бывшего камергера Владимира Андреевича Симанского — отца архиеп. Алексия (Симанского, будущего Патриарха Московского и всея Руси). Евгений Николаевич подтвердил, что на квартире Н. М. Рынкевич совершались богослужения, после которых проводились чаепития с беседами как на чисто духовные, так и на социально значимые темы, в которых он участвовал (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 180).

Относительно предьявленного ему обвинения Е. Н. Поселянин заявил: «Касаясь своих политических воззрений, должен заметить: гонения Советской власти не могли меня, как верующего человека, радовать. Отсюда и то неприязненное отношение к ней, которое я подчас выражал. Не занимаясь разработкой политическо-экономических дисциплин специально, я преломлял свои политические симпатии сквозь призму религиозных чувствований. Должен заметить, что являюсь большим поклонником митрополита Филарета, а последний говорил, что на земле посланником

Бога является царь. Пожалуй, этого заявления достаточно, чтобы определить мое политическое средо. Не желая быть дурно понятым, я обращаю внимание следствия на то, что коммунизм я в общем и целом считаю одной из самых великих и чистых идей человеческого гения. Но воплощение его на земле должно быть делом рук сверхчеловеков, а так как в таковых я верю слабо, то и утопичность учения Маркса для меня при всей его привлекательности кажется очевидной. Впрочем, считаю, что Оптина пустынь, где приходилось бывать, а также по рассказам других Валаам и Соловки... их монастыри, монастырские коммуны являлись до некоторой степени, если не прообразом, то приближением к прообразу коммунистического настроения человеческого общества» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 112–117).

Е. Н. Поселянин не видел ничего контрреволюционного в периодических собраниях духовно близких людей и пытался доказать это следователю. Однако, убедившись, что ничего объяснить нельзя и все его показания трактуются в обвинительном плане, Евгений Николаевич вообще перестал их давать. На втором допросе, 2 января, он лишь заявил следователю, что отказывается давать другие показания. Больше ничего от него не смогли добиться (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 119). В целом Е. Н. Поселянин держался на допросах мужественно и отвергал предъявленные ему обвинения. Как показывают материалы следственного дела, следователям не удалось заставить писателя отказаться от православия и от его политических убеждений.

Еще одним ключевым обвиняемым по второму «Преображенскому делу» был известный церковный деятель Северной столицы Николай Александрович Елачич. Он родился в 1872 г. в Санкт-Петербурге в дворянской семье чиновника по особым поручениям Министерства земледелия, окончил столичную гимназию и юридический факультет Петербургского университета, работал в Государственном казначействе, затем был помощником статс-секретаря в Государственной Санкт-Петербургской канцелярии, в 1917 г. имел чин действительного статского советника. Н. А. Елачич также участвовал в работе комиссии по Ленскому расстрелу рабочих; в 1896 г. женился на Наталье Яковлевне Полонской. После революции в 1918–1920 гг. он работал в Петроградском Музыкальном отделе, а в 1920–1922 гг. — преподавателем русского языка в Военно-броневой автомобильной школе.

При этом Н. А. Елачич в 1918–1922 гг. был секретарем правления и членом организационного отдела Общества православных приходов Петрограда, а также членом «двадцатки» и председателем регистрационной комиссии Спасо-Преображенского собора. Он был арестован 29 апреля 1922 г. по обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей и стал одним из главных обвиняемых на процессе по «делу митрополита Вениамина».

На допросе 12 июня Н. А. Елачич виновным себя не признал. На вопрос председателя суда он ответил, «что религиозными вопросами начал интересоваться только после отделения церкви от государства». Характеризуя деятельность Общества православных приходов, подсудимый пояснил, что в сферу компетенции организации «входило обсуждение церковно-богослужбных вопросов, по которым они высказывали свое мнение, выносили заключения и пожелания и представляли их митрополиту». В заключение Елачич отметил: «Я считаю, что церковь должна быть аполитичной» [«Дело» митрополита Вениамина, 1991, 33–35].

4 июля в последнем слове Николай Александрович сказал, что он «не может принять на свой счет обвинений в измене и предательстве народа. Во всей своей жизни он не знает моментов, когда он выступил бы против народа, против рабочих, интересы которых для него были особенно дороги. Суд уже знает о его работах по расследованию ленских событий. Он спокоен за свою участь, знает и сознает свою правоту» [«Дело» митрополита Вениамина, 1991, 81].

5 июля 1922 г. Петроградский губернский революционный трибунал вынес приговор, и в число первоначально приговоренных к смертной казни 10 человек входил Н. А. Елачич. Определением Кассационной коллегии Верховного трибунала ВЦИК

от 26 июля 1922 г., утвержденным 3 августа Президиумом ВЦИК, наказание в отношении него изменили на пять лет лишения свободы с конфискацией имущества. В 1922–1923 гг. Николай Александрович отбывал наказание в тюрьме на Шпалерной улице, пока в ноябре 1923 г. не был освобожден по амнистии (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-36314).

После освобождения из тюрьмы он в конце 1923 — начале 1931 гг. работал пианистом-аккомпаниатором в различных кинотеатрах Ленинграда, в том числе в 1931 г. — в кинотеатре «Звездочка», проживал по адресу: Надеждинская ул., д. 16, кв. 28, и с 1926 г. вновь являлся прихожанином Спасо-Преображенского собора. Его сын Георгий — бывший офицер Преображенского полка — проживал в Париже, в второй сын, тоже офицер-«преображенец», погиб в годы Первой мировой войны. Николай Александрович был арестован 15 января 1931 г. и на допросе показал: «Я не сторонник классового деления членов общества, которое прокламируют коммунисты. Являясь человеком по преимуществу идеалистического мировоззрения, я считаю, что все люди равны. Советская власть применяет жестокие репрессии к людям верующим, смешивая беспримесную чистую веру в Бога с политикой» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-36314. Л. 180).

Раньше других — 2 декабря 1930 г. — по делу была арестована выпускница Академии художеств дворянка Надежда Владимировна Пешкова-Хвоцинская (1887 г. рождения), в то время работавшая художником кооператива ИЗО. Ее отец Владимир Васильевич Хвоцинский был полковником и депутатом III Государственной Думы; брат Ипполит, лейтенант Преображенского полка, в Гражданскую войну в чине полковника возглавлял «батальон Хвоцинского» в армии А. В. Колчака и был убит под Омском в 1919 г. Муж Надежды Владимировны, научный сотрудник Академии наук Пешков, оказался арестован в 1921 г. по Таганцевскому делу и приговорен к 10 годам лагерей. Следствие особенно заинтересовало тот факт, что в годы Гражданской войны одна из групп офицеров-преображенцев объединилась в своеобразный кружок, собиравшийся в 1919–1923 гг. по средам на квартире Пешковой-Хвоцинской. Этот кружок объединял около 40 человек, большинство из которых были прихожанами Спасо-Преображенского собора (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Т. 1. Л. 175, 183).

К моменту ареста Надежды Владимировны ее отец полковник В. В. Хвоцинский также пребывал под арестом и был 16 сентября 1930 г. приговорен к пяти годам лагерей с заменой на высылку в Сибирь ввиду преклонного возраста. Органы ОГПУ припомнили Н. В. Пешковой-Хвоцинской, прежде всего, создание кружка прихожан Спасо-Преображенского собора в 1918–1923 гг. и в дальнейшем вынесли ей максимально жестокое наказание.

Важной для следствия обвиняемой была и дочь морского министра адмирала И. К. Григоровича Мария Ивановна Карцова. Она родилась 16 марта 1885 г. в Кронштадте, вышла замуж за последнего начальника Морского кадетского корпуса вице-адмирала Виктора Андреевича Карцова и в годы Первой мировой войны работала сестрой милосердия лазарета Преображенского полка. Во время Февральской революции, 28 февраля 1917 г., В. А. Карцов оказался арестован, привезен в Думу и помещен в Министерском павильоне Таврического дворца под арест, во время которого был ранен часовым. Вскоре вице-адмирала освободили и уволили со службы «по болезни, с мундиром и пенсией». В дальнейшем он работал в Ленинграде научным сотрудником в институте «Гидрометео» и в Главном геодезическом обществе.

Как и вся ее семья, Мария Ивановна была прихожанкой Спасо-Преображенского собора. В конце 1923–1925 гг. ее сын Андрей прислуживал о. Михаилу Тихомирову на службах в квартире Н. М. Рынкевич, в 1926–1927 гг. М. И. Карцова входила в приходской совет собора, однако затем вышла из него. Вероятно, главной причиной этого стало присоединение ее сына к иосифлянскому движению. Он стал служить псаломщиком в храме Воскресения Христова (Спасе-на-Крови), был в первый раз арестован 24 сентября 1928 г. по обвинению в связи с реакционным духовенством

и контрреволюционной деятельности, но 15 ноября того же года освобожден в связи с недоказанностью вины (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-32785). В 1930 г. Андрей Карцов принял монашеский постриг с именем Алексей. Мария Ивановна была арестована 25 декабря, а ее муж и сын — 27 декабря 1930 г., однако они проходили по другим делам. На единственном допросе М. И. Карцова отрицала какое-либо участие в контрреволюционной деятельности (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 147).

Всего по второму «Преображенскому делу» проходили 13 человек. Помимо упомянутых пяти, это были: дочь генерал-лейтенанта, начальника Павловского военного училища, работавшая статистиком Областного финансового отдела Наталья Ивановна Вальберг; бывшая сестра милосердия лазарета Преображенского полка дворянка Ольга Владимировна Куровская-Потемкина, уже отбывшая двухлетнюю высылку по обвинению в участии в «контрреволюционной церковной группе»; сын генерала артиллерии, работавший делопроизводителем Ленинградского института электрификации и механизации Сергей Евгеньевич Есаулов; член «двадцатки» собора Анна Иосифовна Авилова; дворянин, работавший техником-чертежником Отдела коммунального хозяйства Михаил Александрович Цветков; дочь камергера, работавшая учительницей немецкого языка Алиса Робертовна Минкельдэ-Константиновская; сын полковника, дворянин, работавший инженером-конструктором Балтийского завода Дмитрий Владимирович Судравский-Измайлов и дочь генерала, бухгалтер артели «Красный Ломовик» Александра Александровна Рухлова (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 175).

2 февраля было составлено обвинительное заключение, в котором говорилось: «Под видом богослужения у себя на квартире, после закрытия бывшего Преображенского собора, Н. М. Рынкевич устраивала собрания, на которых в контрреволюционном разрезе обсуждались текущие события политического дня, читалась контрреволюционная литература и т. п.». Членов «двадцатки» собора также обвинили в подготовке обращения прихожан к эмигрантам, ранее служившим в Преображенском полку, сборе пожертвований репрессированным, помощи им в устройстве на работу. В заключении отмечалось: «Кружок Рынкевич Н. М. имел типичную политическую подоплеку и ставил себе целью охрану интересов именно бывшего „преображенского“ офицерства, как одних из преданнейших царизму кадров» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 180–183).

В деле всячески подчеркивалась связь обвиняемых с бывшими офицерами Преображенского полка, в частности постоянно говорилось об их родственных связях. Относительно некоторых ключевых фигур в обвинительном заключении говорилось: «Погожев Е. Н., заявивший себя на допросе монархистом, был одним из наиболее активных участников кружка Рынкевич (выступление с контрреволюционными речами)»; «Елачич Н. М., будучи врагом Советской власти, активно примыкал к кружку Рынкевич» и т. д. (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 187).

10 февраля Особое совещание ОГПУ в Ленинградском военном округе, применив к арестованным статью 58, пункты 10 и 11 (контрреволюционная деятельность и агитация), направило их дело «для внесудебного разбирательства» и ходатайствовало к четырем обвиняемым «применить высшую меру социальной защиты — расстрелять» (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 192–193). В тот же день «тройка» Полномочного представительства ОГПУ в Ленинградском военном округе вынесла приговор: три человека — Е. Н. Поселянин (Погожев), Н. М. Рынкевич и Н. В. Пешкова-Хвоцинская были приговорены к высшей мере наказания, М. И. Карцова, Н. И. Вальберг, О. В. Куровская-Потемкина, С. Е. Есаулов, А. И. Авилова — к 10 годам концлагеря, М. А. Цветков, А. Р. Минкельдэ-Константиновская и Н. А. Елачич — к пяти годам концлагеря, Д. В. Судравский-Измайлов и А. А. Рухлова оказались освобождены «за недоказанностью вины». Евгений Николаевич Поселянин, Наталия Михайловна Рынкевич и Надежда Владимировна Пешкова-Хвоцинская были расстреляны 13 февраля 1931 г., за два дня до праздника Сретения, в подвале тюрьмы ОГПУ (Дома предварительного

заклучения) на улице Воинова (Шпалерной) ((АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 193, 200; Антонов, 1997, 134–135). Место, где похоронены новомученики, до сих пор остается неизвестным.

В «Воспоминаниях» дивеевской монахини Серафимы (Булгаковой) рассказывает о посмертном явлении мученика Евгения: «Поселянин, составивший „Подвижники благочестия“, перед своей кончиной жил с неверующей сестрой в Петрограде. Видит он сон, как звонят по телефону, затем приходят ночью и уводят его. Он проснулся утром и пошел к своему духовнику отцу Борису, исповедался, приобщился Святых Таин. В ту же ночь сон, который он видел, сбывается буквально: позвонили по телефону, потом ворвались, обыск, его забрали и увезли. Через некоторое время сестра узнала, что он расстрелян. Она была неверующая и не стала его отпевать, и никому не сказала об этом из священников.

Через некоторое время его духовник отец Борис служит в храме, выходит покадиль, и вдруг видит — стоит на клиросе Поселянин. Когда священник подходит поближе, тот раскрывает свой пиджак, и отец Борис видит у него на груди рану от пули. Отец Борис спрашивает: „Когда это случилось?“ В ответ Евгений Поселянин указывает рукой на икону Трех Святителей. Священник говорит: „Мне надо кадиль; подождите, я сейчас вернусь“, — и уходит в алтарь. Когда он вернулся, на клиросе уже никого не было». По другим свидетельствам, отец Борис Николаевский рассказывал об этом видении нескольким своим духовным чадам (Евгению Кабанову и другим) (Николаевский, 2003, 9–10, 390, 392).

Евгений Николаевич Погожев был прославлен Русской Православной Церковью за границей в 1981 г. как новомученик. Из вынужденного забвения имя Поселянина начало выходить только с 1990 г., большинство его книг в настоящее время переиздано и служит делу духовного просвещения жителей России.

В существующей научной и мемуарной литературе ошибочно объединяют два «Преображенских дела». Так один из косвенных свидетелей этих событий позднее вспоминал: «Осенью 1930 г. в моей битком набитой камере оказался ненадолго генерал Казакевич, который уже в 1922–25 г. отбыл ссылку по церковному делу в Нарымский край. Он мне сказал, что на этот раз арестован по делу „двадцатки“ Преображенского Собора и по этому делу привезен из Твери о. Михаил. Этот бравый генерал, вызванный ночью на допрос, поведал одному моему соузнику, что их обвиняют в нелегальной отправке полковых регалий Государыне императрице Марии Феодоровне в Копенгаген. Проверить это мне лично не удалось. Только год спустя в Карельском концлагере узнал я от их однодельцев — членов „двадцатки“, что в начале февраля 1931 г. по этому делу расстреляны: настоятель Преображенского всей гвардии собора митрофорный протоиерей о. Михаил Тихомиров, бывший преобразенец генерал Казакевич, известный церковный писатель Поселянин (настоящая фамилия — Погожев), прекрасный юноша, твердо разоблачавший в свои юные годы (не больше 20–22 лет) лживость „политики“ митрополита Сергия, по фамилии Карцев, сын адмирала — директора Морского корпуса и дочери морского министра — адмирала И. К. Григоровича, и вдова члена Казанской судебной палаты Рункевич. Несколько прихожанок — членов этой „двадцатки“, в том числе мать расстрелянного юноши — были приговорены тройкой ГПУ при Ленинградском Военном Округе 10 февраля 1931 г. к 10 годам заключения в концлагерь и 19 февраля отправлены в Карелию, куда прибыли в лагерь Лей-Губа на Выг-озере 24 февраля, а весной перевезены в Соловки» [Польский, 1957, 146].

В эти воспоминания, наряду с ошибками в написании некоторых фамилий, вкралась и другие неточности: прежний настоятель прот. Михаил Тихомиров не был привезен из Твери, а бывший прихожанин Спасо-Преображенского собора иосифлянин монах Алексей (Карцов) проходил по групповому делу Истинно-Православной Церкви и избежал первоначально планируемого расстрела. Он был приговорен 8 октября 1931 г. к пяти годам лагерей, а его отца вице-адмирала Виктора Андреевича Карцова в тот же день приговорили к трем годам ссылки в Северный край [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 215].

Трое осужденных прихожан собора — М. И. Карцова, А. И. Авилова и А. Р. Минкельдэ-Константиновская, согласно архивным документам, уже 24 февраля прибыли в отделение Соловецкого лагеря в г. Кемь (АУФСБ СПб ЛО. Ф. арх.-след. дел. Д. П-73395. Л. 213). В. А. Карцов был административно выслан в Архангельск, где и скончался 2 мая 1936 г. Вице-адмирала похоронили на Ильинском кладбище города (могила сохранилась). Его сын иеродиакон Алексей (Карцов) был арестован 15 декабря 1937 г. в Архангельске, где служил в местной церкви после отбытия заключения в лагере, и расстрелян 1 октября 1938 г. Мария Ивановна Карцова в 1956 г., после освобождения из ссылки, поселилась в Архангельске, вблизи могилы мужа, и была реабилитирована 11 января 1958 г. Она скончалась в 1963 г. и была похоронена рядом с мужем на Ильинском кладбище [Щепихина, 2005].

Н. А. Елачич отбывал срок в Белбалтлаге на строительстве Беломорканала. После окончания срока заключения он проживал в г. Боровичи Новгородского округа, где работал преподавателем музыки в клубе «Красный керамика». Николай Александрович был арестован в Боровичах 19 февраля 1938 г. и Особой тройкой Управления НКВД по Ленинградской области 10 марта приговорен по обвинению в контрреволюционной деятельности к высшей мере наказания. Один из самых известных прихожан Спасо-Преображенского собора был расстрелян в Ленинграде 12 марта 1938 г. и похоронен на Левашовской пустоши [Санкт-Петербургский мартиролог, 2017, 183].

Наряду с гибелью некоторых прихожан в начале 1930-х гг. община собора понесла и другие утраты, связанные с «Преображенскими делами». В условиях репрессий офицеров российской армии советские власти попытались уничтожить и память о ее славных традициях. Перед входом в Спасо-Преображенский собор стояли на чугунных лафетах 12 трофейных турецких пушек и два единорога. Первоначально в 1829 г. они были подарены Варшаве для украшения монумента короля Владислава. Но оказавшиеся боеспособными орудия были использованы польскими повстанцами против российских войск в 1830–1831 гг. Эти пушки были взяты в бою при подавлении Польского восстания, подарены императором Николаем I любимому Преображенскому полку и поставлены перед главным входом в собор.

12 декабря 1930 г. инспектор по музеям Леноблоно по запросу Рудметаллторга написал в президиум Смольнинского райсовета о возможности изъятия для утилизации пушек, расставленных у стен собора, поскольку со стороны Консультационного бюро по охране памятников не встречается препятствий (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 68). И в начале 1931 г. орудия, стоявшие перед главным входом в храм, были сданы в переплавку на металл, так как и дирекция Артиллерийского музея считала, что они ему не нужны, как якобы не представляющие исторической ценности. Исчезли и позолоченные двуглавые орлы, украшавшие самые высокие орудийные стволы ограды [Куферштейн и др., 1991, 77].

В 1930 г. был снесен памятник Петру I работы скульптуры М. М. Антокольского, открытый 13 мая 1910 г. в сквере перед главным фасадом госпиталя лейб-гвардии Преображенского полка (ул. Кирочная, д. 37) в присутствии императора Николая II [Антонов, Кобак, 2010, 256]. При этом закрыть Спасо-Преображенский собор, который переполняли верующие, советские власти не решились. 17 декабря 1930 г. был заключен новый договор о его передаче в пользование общине верующих, и в конце того же месяца выдано удостоверение о перерегистрации религиозного общества храма.

Однако вскоре встал вопрос о ликвидации ограды собора. Еще 18 июня 1929 г. Государственная реставрационная мастерская послала запрос о том, в чьем ведении она находится. 9 марта — 13 июня 1931 г. несколько заявлений властям о сломанных украшениях ограды подала гражданка Е. М. Казина. 1 июля областной отдел народного образования внес предложение о полном снятии ограды собора, но президиум Леноблисполкома на своем заседании 29 июля 1931 г. постановил это «считать нецелесообразным» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 130). Дебаты по поводу снятия ограды у Спасо-Преображенского собора длились довольно долго. Так, 3 февраля 1932 г. президиум Смольнинского райсовета постановил, что он «поддерживает предложения

рабочих завода им. Поленова, считает целесообразным ограждение у церкви Преображения снять» (ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132. Л. 137). К счастью, этого не произошло, сохранить ограду помогло сопротивление верующих.

Описанные в статье «Преображенские дела» были заметным этапом утверждения советского тоталитарного режима в Ленинграде. Они нанесли тяжелый удар по духовному климату Северной столицы страны, стали причиной осуждения влиятельной и авторитетной группы верующих, связанной с военной элитой дореволюционной России. Эти и подобные следственные дела подготовили почву для массовых репрессий 1930-х гг.

Однако несмотря на все гонения и репрессии, община Спасо-Преображенского собора смогла выстоять и в начале 1930-х гг., и в последующие десятилетия советской власти. Верующие отстояли собор, который оказался одним из немногих, избежавших закрытия в СССР, сохранив храм — памятник подвигам русской гвардии от возможного уничтожения. В годы Великой Отечественной войны он был важным центром патриотического воспитания горожан, помогал им выстоять в условиях голодной блокады. Спасо-Преображенский собор хранит в своих стенах величайшие святыни — чудотворный Нерукотворный образ Христа Спасителя и чудотворную икону Божией Матери «Всех скорбящих Радость». И в настоящее время его община играет важную роль в духовной жизни города, ведет большую социальную работу.

Источники и литература

1. Антонов (1997) — Антонов В. В. Мученик Евгений — русский духовный писатель Евгений Николаевич Погожев (Е. Поселянин). Биографический очерк // Санкт-Петербургские Епархиальные ведомости. 1997. № 17. С. 131–135.
2. Антонов, Кобак (2010) — Антонов В. В., Кобак А. В. Святыни Санкт-Петербурга. Энциклопедия христианских храмов. СПб., 2010.
3. АУФСБ СПб ЛО — Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Фонд архивно-следственных дел. Д. П-32785; Д. П-36314; Д. П-73395; Д. П-77288; Д. П-82582; Д. П-82718; Д. П-89251; Д. П-89305.
4. Варсонофий Плиханков (1998) — Варсонофий (Плиханков), прп. Духовное наследство. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998.
5. Волков (2002) — Волков С. В. Офицеры российской гвардии. М., 2002.
6. Голицын (1997) — Голицын К. Н. Записки князя Кирилл Николаевич Голицына / Сост. Б. П. Краевский. М., 1997.
7. «Дело» митрополита Вениамина — «Дело» митрополита Вениамина (Петроград, 1922 г.) М., 1991.
8. Дубин (2008) — Дубин А. С. Улица Рылеева. М., 2008.
9. Куферштейн и др. (1991) — Куферштейн Е. З., Борисов К. М., Рубинчик О. Е. Улица Пестеля (Пантелеимоновская). Л., 1991.
10. Николаевский (2003) — Николаевский Б., прот. Духовные беседы. Воспоминания духовных чад / Сост. С. Н. Корытин, Н. Б. Егорова. СПб., 2003.
11. Памятная книга (1913) — Памятная книга военного и морского духовенства. СПб., 1913.
12. Польский (1957) — Польский М., протопресв. Новые мученики российские. Джорданвилль, 1957. Т. 2.
13. Поселянин (1907) — Поселянин Е. Праведник нашего времени оптинский старец Амвросий. СПб, 1907.
14. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 806. Оп. 14. Д. 1.
15. Русская литература XX века (2001) — Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь. М., 2001. Т. 3.

16. Русские писатели-богословы (1997) — Русские писатели-богословы. М., 1997. Вып. 1.
17. Санкт-Петербургский мартиролог (2017) — Санкт-Петербургский мартиролог. СПб., 2017.
18. Спасо-Преображенский всей гвардии собор (2004) — Спасо-Преображенский всей гвардии собор. 1754–2004. СПб., 2004.
19. Тинченко (2000) — *Тинченко Я.* Голгофа русского офицерства в СССР 1930–1931 годы. М., 2000.
20. ЦГИА — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1001. Оп. 7. Д. 4; Ф. 7384. Оп. 33. Д. 132; Д. 342.
21. Церковный вестник. 1915. № 45.
22. Щепихина (2005) — *Щепихина Т.* Адмирал Карцов // Ведомости Приморья. 2005. 17 августа.